

Татьяна Воронина
Волшебный диссонанс

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Воронина Т. А.

Волшебный диссонанс / Т. А. Воронина — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Удивительное рядом, и, к несчастью, бывает и так, что проживание каждого следующего обыденного дня требует почти героических усилий. У кого-то болеют близкие, мы сочувствуем. Но вытянуть с того света собственного ребёнка, а потом понять, что делать это придётся всю жизнь, и не сломаться – действительно героизм. А если ещё отец этого ребёнка тихо исчез из вашей жизни, просто не желая осложнять свою? Героинь в этой повести две – тот самый необычный ребёнок, жизнь которого мы проследим до 24 лет, и мать, перед которой я просто снимаю шляпу.

Больница – всегда больница, даже если она самая лучшая в стране. Доктор медицинских наук профессор Тихомиров Георгий Борисович присутствует сегодня в отделении гематологии знаменитой ЦКБ не как врач, а как пациент. Когда тебе за семьдесят, сосуды уже не те, что в молодости, как ни крути, вот и пришлось лечь на обследование. Не хотел, жена настояла и правильно сделала, ибо проблемы с ногами – штука опасная.

Выйдя из палаты и расположившись в знакомом просторном холле, Георгий Борисович мирно почитывал научный журнал в ожидании очередной лечебной процедуры. И вдруг – явление: девочка лет девяти, симпатичная, складненькая такая, светлые волосы собраны в хвостик резинкой. «Странно, – подумал профессор, – что делает ребёнок во взрослом отделении? Пришла с мамой кого-то навестить, вероятно?». Девочка, которой явно нечем заняться, посматривает по сторонам, разглядывая прогуливающихся пациентов. Наконец, взгляд её падает на пожилого человека, сидящего на белом кожаном диване. Девочка подошла и присела рядом.

– А ты как сюда попала? – спрашивает её Георгий Борисович.

– А я сегодня легла на обследование, – отвечает она.

«Что-то здесь не так, – думает профессор, глядя на девочку. – Не могут в это отделение ребёнка госпитализировать». Девочке явно хочется поговорить, и Георгий Борисович, решив продолжить диалог, спрашивает:

– А что с тобой случилось?

– У меня кровь плохая, – был ответ.

– С какой стати?

– Я перенесла тяжёлый стресс, и у меня испортилась кровь.

Вот тебе и раз! Оказывается, ни к кому она не пришла, а действительно оформлена в отделение и у неё есть своя палата. Не решаясь спрашивать о причине стресса, Георгий Борисович задаёт обычные полудетские вопросы о книгах, фильмах, любимой музыке. Девочка поддерживает разговор очень охотно, но ответы её, очень детские по форме, неожиданно оказываются довольно взрослыми по содержанию.

– Ты какие мультики предпочитаешь, – спрашивает профессор, – старые советские или современные?

– Конечно, старые.

– Почему?

– Ну что Вы, старые запоминаются на всю жизнь, а из новых я ни одного не помню.

И они с удовольствием вспоминают «Серую шейку», «Ёжика в тумане», «Аленький цветочек» и другую классику.

– А какой у тебя любимый фильм?

– «Алые паруса» по Грину.

«Опять что-то не то, – думает профессор, – рановато для её возраста».

Девочку зовут Глаша. Она ненадолго уходит в палату, и Георгий Борисович спрашивает у проходящей мимо медсестры:

– Сколько лет этому милому ребёнку?

– Двадцать четыре, – отвечает дежурная сестра.

– Сколько? Я не расслышал...

– Двадцать четыре.

«Так вот что ещё было не так! Не мог ребёнок давать такие ответы даже на полудетские вопросы», – и профессор погрузился в размышления.

Конечно, прежде всего его интересовал вопрос, откуда карликовость. Поскольку эта область медицины – совсем не его специальность, Георгий Борисович стал ворошить свои знания 55-летней давности.

«АКТГ – адренкортикотропный гормон, а значит, гипофиз. Но гипофизарные карлики чаще всего имеют непропорциональное строение – большая голова и маленькое тело. Лицо тоже ненормальное – широкое с неправильными чертами. У Глаши всё абсолютно пропорционально, она симпатичная. Что ещё? Гипоталамус? Сложнейшая загадочная структура мозга, регулирует чуть ли не всё на свете, синтезирует соматостатин, который имеет массу регуляторных функций. Однако поломка соматостатина, насколько я помню, вызывает не карликовость, а гигантизм. Всё, моя память иссякла, – мысленно констатировал Георгий Борисович. – Нужно найти Глашиного врача и расспросить его».

Глашиным врачом оказалась молодая, симпатичная, миниатюрная и, как показала дальнейшая беседа, профессионально очень грамотная женщина. Вот что она вкратце поведала коллеге.

Вскоре после рождения Глаша заболела менингитом. Где она инфицировалась – неизвестно. Новорожденные после менингита выживают редко. Она выжила, но у неё развилась гидроцефалия. Это накопление жидкости в черепной коробке, вещь страшная и очень болезненная. Лечение заключалось в установке шунтов, которые отводят жидкость из черепа в желудочно-кишечный тракт. Таких операций Глаше пришлось выдержать несколько, поскольку шунты приходилось менять.

А в чём, собственно, причина Глашиной карликовости, до сих пор не понятно. Функции гипофиза или гипоталамуса могла нарушить менингококковая инфекция, но могла быть и другая причина – врождённый генетический дефект. Большинство признаков организма контролируется не одним, а несколькими генами, соответственно, повреждение любого из таких генов может привести к нарушению свойства, например, к карликовости. Более того, в каждом из этих генов мутации могут произойти на разных участках. В случае с Глашиной патологией таких участков известно 64. Врачи попытались проверить. Смогли проверить только часть, поскольку всё очень дорого, но дефекта так и не нашли.

Глашина врач умолкла. А потом улыбнулась и рассказала, как в один из новогодних праздников, когда Глаша как раз лежала в отделении, они устроили торжество. Нарядили «ребёнка» в белое платье принцессы-снегурочки, и она развлекала весь коллектив – пела и танцевала.

– Любим мы её, – призналась женщина.

Глаша, вернувшись из палаты в холл, отыскала глазами своего нового знакомого и тут же к нему подседа, с удовольствием возобновив беседу. Общение их продолжалось с небольшими перерывами до очень позднего вечера, и за это время Глаша успела рассказать Георгию Борисовичу практически всю свою жизнь.

– Я родилась очень больная, – начала свой рассказ Глаша. – Наверное, было понятно, что это надолго. Мой папа испугался и бросил меня. Мы с мамой остались вдвоём. Мне в 6 месяцев сделали первую операцию. Всего их было шесть в разные годы. Все на голове. Теперь у меня берут на анализ кровь и спинномозговую жидкость. Это очень больно, потому что колот в спину, в позвоночник. Я всегда этого боюсь.

В 1995 году в российской глубинке, в городе N появилась на свет девочка, первый ребёнок счастливых родителей, которые дали ей красивое имя Глафира. Теперь их было трое, и новый член семьи, их прелестная малышка, требовала неустанных забот, как всякий младенец. Став мамой, Галина как-то сразу повзрослела, ощутив ответственность, глаз не спускала с доченьки, спала урывками. Муж целый день на работе, а Галя без усталости кормила, укачивала, стирала, гладила, мыла, готовила, гуляла, в магазин ходила с коляской. По вечерам муж с пелёнками помогал, и ночью они по очереди вставали. Выражаясь народным языком, всё как у людей.

Но не прошло и трёх месяцев, как начались странности. В тот жуткий день Галина, взяв малышку на руки, почувствовала, что та вся горит. Померив дочке температуру, Галя увидела

на термометре 38,5. «Господи, простудила!» – переполошилась мамочка. Дала жаропонижающее. Ребёнок почти весь день спал, а просыпаясь, хныкал. После кормления Глашу вырвало. Она не просто срыгнула лишнее, как обычно, это была настоящая мучительная рвота. Вечером, когда вернулся муж, решили наутро обязательно вызвать врача. Девочка плакала всю ночь, и они поочерёдно носили её на руках. Плач у ребёнка был какой-то странный – монотонный, однообразный и непрекращающийся. А утром они увидели, что появилась сыпь. Тут уж было не до поликлиники – вызвали скорую. Врач, увидев сыпь, ахнула и коротко сообщила:

– Подозрение на менингит. Собирайтесь, мамочка.

В больницу Глашу привезли уже с судорогами.

Это действительно был менингит – инфекционное заболевание, вызывающее воспаление оболочек головного мозга, заболевание, смертельно опасное для человека любого возраста, а для грудничков особенно. И когда ты видишь ребёнка, испытывающего жуткие боли, трёхмесячного ребёнка, спасти которого почти нереально, то фраза о том, что врачи буквально боролись за её жизнь, перестаёт быть избитой.

Боролась и Галина. Как могла. Не было ещё на свете сиделки лучшей, чем она. Её мозг с точностью компьютера фиксировал все указания врачей, её руки каждым своим прикосновением врачевали крохотное тельце дочки, а душа её, похоже, просто слилась с душой ребёнка, оставив своему телу лишь возможность двигаться.

Все эти недели, которые Галина провела с дочкой в инфекционной детской больнице, слились для неё в один страшный нескончаемый день. И всё же он закончился. Закончился не наступлением ночи и мраком, а рассветом надежды. Врачи сказали, что угроза для жизни миновала, и буквально заставили Галину проглотить снотворное и лечь. Галя проспала сутки, а проснувшись, увидела, что девочка под присмотром, и немного успокоилась.

Через несколько дней их выписали. Но увы, вскоре молодую маму ждало новое потрясение. Менингит редко проходит без осложнений, а у Галиного ребёнка осложнение было крайне тяжёлым. У Глашеньки развилась гидроцефалия – в черепной коробке стала накапливаться жидкость. Если её оттуда не удалить, то это конец.

В шестимесячном возрасте Глаша перенесла свою первую операцию. Ей установили тот самый шунт, который отводит жидкость из черепа в желудочно-кишечный тракт. И снова Галина, не отходя, сидела у постели своего ребёнка. Всё прошло успешно, и в положенный срок их выписали домой. Можно было начинать новую жизнь.

Жизнь эта для Гали и Глаши и вправду оказалась новой. Вернувшись домой, Галина обнаружила наполовину пустой плательный шкаф, одну (свою) зубную щётку и полное отсутствие всякого присутствия в доме мужчины. Муж просто исчез. Уж не знаю, как он там договорился со своей совестью, но видимо, в его душевный мирок не умещалась мысль о том, что ребёнок болен всерьёз и надолго, будет требовать постоянного ухода и вообще «не как все». Имени этого человека история не сохранила.

Дальнейший рассказ Глаши Георгию Борисовичу звучал примерно так:

– Мама делала и сейчас делает всё, чтобы я выздоровела и чтобы мне было хорошо. После того, как мой отец меня бросил, года через два мама нашла человека и вышла замуж. Он стал моим отчимом. Он был хороший, и я его очень полюбила.

До рождения Глаши Галина работала в школе учительницей русского языка и литературы. Но это было в другой жизни, а сейчас им вдвоём с дочкой жить было просто не на что. Тех грошей, что полагались после длительной бюрократической процедуры на ребёнка-инвалида, не хватало даже на полноценное питание, не говоря уже о лекарствах, одежде, гигиене и квартплате. На дворе стояли приснопамятные девяностые, люди крутились, как могли, но Галине торговать было нечем и поездки «челночницей» с больным ребёнком ей не светили. Продавать она могла только свои знания. И Галя дала объявление в городскую газету, предложив занятия по русскому языку для отстающих школьников. Такие же объявления расклеила сама по всему

району. Заработок был невелик. Это институтские преподаватели, которые готовят выпускников к поступлению, берут много. А тут что ж? Лишь бы диктанты на «двойки» перестал писать. Небогатые родители отстающих школьников платили немного. Но Галя не унывала. Ученики приходили к ней домой, сменяя друг друга, и худо-бедно на жизнь им с дочкой стало хватать.

Глашенька росла, радуя маму, в годик научилась ходить и чувствовала себя всё лучше. Лечение помогало. Когда Глаше исполнилось два года, встал вопрос о санаторно-курортном лечении. Врачи настоятельно рекомендовали поехать в Крым. Господи, да где ж таких денег-то взять? И тогда Галина решилась. Решилась дать объявление о сдаче комнаты внаём. Квартира, которая досталась ей от родителей, безвременно ушедших один за другим, была большая, трёхкомнатная, хоть и в «хрущёвке» на четвёртом этаже без лифта. Не хотелось Галине чужого человека в их с Глашей дом впускать, а что поделаешь? Кухонька маленькая, санузел совмещённый – не с каждым уживёшься. И Галя приступила к тщательному отбору претендентов. Сразу отсеяла семьи с детьми. Жилец должен быть один и желательно женщина. Совсем молодых претендентов Галя тоже забраковала – их образ жизни, естественный для молодёжи, сложно было бы состыковать с Глашиным режимом. Пьющие мужья, выгнанные жёнами и вынужденные снимать угол, разумеется, не рассматривались. Оставались одинокие не слишком молодые приезжие. Таких было немного, ибо кто и зачем в их городок поедет? Градообразующим предприятием здесь был секретный завод, а остальное так, по мелочи – торговля, бытовые услуги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.